

Мамара Шабаренина

ВОКРУГ ЕВРОПЫ НА «ТАСМАНИИ»

Братья Синельники – романтики, искатели приключений. В школьные годы перелопатили кучу приключенческой литературы. Звал юнгами их на свой «Наутилус» капитан Немо, костьюлял по острову сокровищ хитрый и коварный Сильвер. Это они защищали с копьем и мечом осажденную крепость. Джек Лондон заставил отроков задуматься о подвигах, Сервантес – о доблести. А папа, водитель-дальнобойщик, наградил сынов бродяжьим духом, брал с собой в рейсы ближние, дальние. Уж папа-то знал: дорога не любит слабых, выучит хлеще гувернантки. Выучила: парни засобирались на Волгу за мореходной наукой. Яхт-клубы, зов странствий.

Многие яхты, пришвартовавшись к берегу, большие так и не отчалили: яхта-дачами стали. Над ними парусят юбки, шорты, ползунки. И хорошо.

Братья Синельники ушли в плаванье. Уральск не махал вслед платочками, желая семь футов под килем: не знал. Четверка синдбадов считала поход частным делом: чего рисоваться? Век смотрит сквозь пальцы даже на космические путешествия. Главное для экипажа: обнять Европу... О том, как обнимали, рассказывали полдня. Мое перо стало виртуальным участником экспедиции. Публикация о героях – в городском «Пульсе». По инициативе путешественников, чуть позже, и – в атласном журнале «Капитан». После очередного «заплыва» Сергей принес мне свои «путевые». Стало ясно: справляющийся со штурвалом справляется со строкой. «Причесала» рукопись чисто по-редакторски. Пожелала успехов на суше и на море.

В пучине дней братья растворились. Где-то краешком уха фамилия пеленговалась. И вот узнаю: заслуженные путешественники. Их мотоциклы, дорога-бездорожье, – вокруг света! Моторной мощи «Уралов», «Ижиков» сдавались пустыни Австралии, Ближнего Востока, Африки. Индийский океан удивлялся с полтысячи миль весельному наскоку, и не на его SOS явилось норвежское судно. «Будет буря, мы поспорим!» – пообещали мореходы Индийскому... Спорили с Великим Волжским путем. Копия древней лады, материализовавшись из чертежей судомоделиста Сергея, несла! Конечно же, «вокруг света». Остров Тасмания – рукой подать до Антарктиды. Не подали: а на острове из тамошнего камня команда построила церковь. В дар христианской общине, сто лет хранившей язык и веру: их предки – беженцы революций. Благодарны. ...Странствие – дело богоугодное.

На «Русиче» в Австралию – интернационалом: белорус, казах, швейцарец. И ничего – не подрались!.. «Это потому, что советника из Штатов не было», – пошутил кто-то. Вне всякой политики хаживали братья и в Сахару, пешочком. Во тьме ночей всякое: слезки, погони, сход с курса. На «ау» только черепаха... Но идут путешественники по жизни, не останавливаются.

26 декабря 2011 г. Яхта «Тасмания» («Картер-30» 1984 г.) под эгидой общественной организации «Молодежное единство» вышла из Новороссийска в плавание вокруг Европы. Экипаж – братья-близнецы Сергей и Александр Синельники, Володя Павлов и Тимур Ибатуллин.

Лиха беда начало

Новороссийск провожал мореходов прохладно, пришлось «прифрантиться»: ватные брюки, свитера, телогрейки, дождевик с капюшоном. «Ай, Черное море, хорошее море...» Небрежно, как шуба с барского плеча, накинут на яхту попутный ветер. Рад парус боковому натягу, – курс бакштаг! «Тасмания» не шла – летела на высокой волне. Ветер 20 узлов попугивал штормом: кто в этом мире хозяин?..

Манна дождя, изморось – скучное меню. Но скорость веселит: «какой русский не любит быстрой езды?» Впрочем, уходя в зыбь океанов, национальность в чемодан не упаковывают: здесь все братья-земляне. Здесь дано человеку понять, почувствовать: он из той же материи, что и вселенная!

Волнуется море. Волнуется и другое, в груди: горизонт – размытая линия суши. Нужен мореходам турецкий берег, и Африка тоже нужна! Чужих земель для мореходов нет, с визой – и вовсе. Кто-то проскакивает порты-гавани без... Но лучше не рисковать: есть жертвы свободы – отосланы как бандероли, без парусов. Век живи – век учи законы. Не оформить ли статус на земле, на которую ступала нога последней царицы Египта и первых челночников СНГ?

Яхта – вдоль Турции. Где-то рядом горячие источники, в коих поправляла здоровье Клеопатра. Вот бы куда! До Босфора миль сорок. Ветер слабеет, в самый раз пособить парусу движком. Гоп-стоп! Лопасты винта как не бывало! Залетной «Тасмании» оздоравливаться на турецком берегу. Ва-аще, это море или уже баракхолка? Не зря экологи... Но как до берега? Видит око, да парус сник: небожитель Эол заштопал все ветра в телячий кожух: чем досадила ему «Тасмания»? ... Подцепил рыбацкий катер. Трос трык – оборвался: «поцелуй» в нос. Нос набок. Южные страсти. Итог: винта нет, штага нет, ветра нет, носовая – о-хо-хо...

За медвежью услугу туркам – бутылку русской водки: старались... В рыбацком городке «Тасманию» приткнули на ночь. Крупная турецкая звезда подмигнула синдбадам по-свойски: утро вечера мудренее!

«Никогда я не был на Босфоре, Я тебе придумаю о нем...»

Ничего не надо придумывать «тасманцам». Вот знаменитый Золотой Рог, вот автомобильный мост на полтора км – слава столетия. И чайки! Беззастенчивые, стаями – на суда, как газетные агенты – на предпринимателей: дайте рекламу!.. Кыш!

Величественный, сросшийся с горами Стамбул! К нему лень парусом при плохом ветре. Синеокий Босфор помог неспешным течением... Строгая готика

старинны: широкоплечье заглавных зданий, округлые купола мечетей, медресе, турецкие бани! Османская империя, как плоская земля на слонах, – на башнях. Моечные дворцы, с легкой руки Махмуд-паши, превращали в легкий пар дела государственной важности, держали народ в телесной чистоте. «Великая империя рухнула, как только бани стали платными» – догадываются чайки.

Позади Черное, впереди Мраморное. Одно дело в 6-м классе указкой коснуться атласной глади, совсем другое – ощутить дыхание, услышать гул планетной утробы. Из моря – не только Афродита... Волны трогают нас, двуногих подкидышей, брызгливой лапой: не родня ли? – Родня. Босфор распахивает душеньку на 3,5 км. От Европы до Азии, как разомлевший мужичок после баньки! Не гляди, что берега плешивы, старик еще тот! С правом голоса – рассказал бы о веках, ушедших в песок...

В Африку гулять

Мраморное море хотело измотать путников зыбью. Спас обмелевший пролив Дарданеллы. Зима здесь похожа на нашу осень. Бедно, голо. И только море: само решает, каким ему быть. Раньше – проще: принес жертву Афродите, а она тебе тут же – попутный ветер. Лети себе, хоть на остров Сирен, хоть на войну с Троей. Острова – неподалеку. Чего доброго, какой-нибудь выживший из ума и времени Полифем вывернет из-за утеса...

Полифем не Полифем, а пиратов опасаться надо. Французский яхтсмен-одинокник советовал держаться дальше от берегов: полно мелей. У алжирских – можно напороться на мину. Лыбится старый пират Барбаросса: Турция водрузила на пьедестал! Плохому пирату памятник не поставят...

В Эгейском море, пару веков как, две эскадры решали судьбу русско-турецкой войны. Турки успели унести ноги. Теперь ноги воинствующего народа одеты в качественные джинсы собственного производства. Ходовые штаны цвета морей, омывающих Турцию, кладут полмира на лопатки.

Есть ли жизнь на вахте?

Из дневника Сергея: «28.01.02, пролив Дарданеллы. Почти штиль. Если бы не двигатель, ползли бы по морю как черепахи. Вахта под парусами, ветер до 12 уз. За спиной фиолетово-синее небо. Красно-оранжевый шарик луны: сейчас сыпанет, как сваркой, в черный-пречерный цвет моря...»

Красота, как благословение, простирается над одинокой яхтой. Кружевные одежды ночных волн. Красота и Сергей за штурвалом правят миром! Ну, должна иногда душа подниматься над...

Чувствовать себя равной Творцу! Вдохновение! Им затягиваешься сладко, как стрельнутой у друга сигареткой.

«Вообще-то море – это труд», – скажет Сергей. Брат кивнет, соглашаясь.

Но... бывает, бывает...

«Люблю смотреть на море. После вахты – на рубку: море катит валы один за другим, дует ветер. Нос яхты взрывает воду, идем, и ночь сменяется днем, и день ночью. Разве есть время на суше для созерцания? Нет, там время для суеты, чаще – пустой...»

А здесь можно обратить взор на себя. Звезды – зеркало, море – зеркало. Глядитесь в зеркала! Человек должен видеть себя со стороны. Если ничем не занимать свой ум, на море тесно, как в одиночной камере, и скучно, и раздражительно. Можно поссориться из-за очередности вахт на кухне. Но как-то неудобно: смотрит Природа.

«05.02.02. Закончилась вахта. Настроение не самое, но по мере приближения берега... Сицилия! Снежная вершина с вулканом Этна! Вулканически ощущаю весну. Ее запах различу в тысяче запахов. Все верно – это другой пояс. Опоясанные солнцем, в этом году встретят весну не однажды. Да здравствует весеннее благоухание и запах зеленой травы! За это можно много дней не видеть берегов, выворачиваться наизнанку от тошноты, тосковать, экономить пресную воду, в сырых одеждах отражать шторм...»

Про Грецию и не только...

Афина – греческая богиня войны и победы белым облаком над городом-тезкой. Море, где косяки скумбрии и сардины, позади. Радует парус: яхту заправят топливом, экипаж пойдет полным составом, и волны побегут от реанимированного винта исчезать в лазурной дали. Столица Греции распахнет перед мореходами улицы, пригласит в музей. Задержит Акрополь – магнетизм старины... Двое суток земной тверди... Но пора на яхту.

«Тасмания», презрев свой пенсионный возраст, вышла в свет. Отважный экипаж в море на неукomплектованной лодке и с плохим английским. Не складываются дела с оформлением виз. В случае чего, предъявят пограничникам мозолистые руки и чистые глаза... Коринфский канал и залив проскочили. Ионическое, Тирренское море и вовсе пустили меж весел. За три месяца так и не удалось оформить визы...

Прости, Сицилия, своих гостей: не имели права ставить ногу на остров, но ставили. Может быть, яхтсменов благословил на подвиги сам Посейдон? Когда мимо храма и лика его проходили, не окликнул и визы не спросил.

Восточный ветер Евр благополучно донес «Тасманию» к берегам Северной Африки, до порта Эль-Кантави в Тунисе. Отшвартовались...

Город, как мираж, дрожит в воздухе. Зной: рядом Сахара. А спустится ночь – понимаешь: Шахерезада все еще здесь, нашептывает свои сказки... Славная, очень славная страна Туни! У гостей паспортов не спрашивает: «пришел – так и знакомый, вошел – так и живи»

Уха из петуха

– Тунца бы хоть какого: команда помирает, ухи просит.

Сережа, как знаток английского слова «fish», покупает в магазине рыбу. Отпетый кулинар Павлов виртуозно ее разделывает.

– Серега, рыба без костей. Угорь, может?

– «Fish» – это рыба. Ты что, совсем не петришь в английском? Если я покупал рыбу, значит – это «fish»!

...На вкус рыба сильно напоминала индейку и пахла курицей. «Уха из петуха!» – рыдала команда. Уха из индейки оказалась вкусной. Приятного аппетита!

«Тасманцы» еще не знали: подзадержатся... Диктат ремонта.

...Обстоятельства унесли капитана Владимира Павлова и Тимура Ибатуллина на крыльях самолета. Братья Синельники решили не паниковать. Сергей прикинул на себя виртуальную форму капитана, и она подошла. Надежная опора – брат. Можно подумать, с чего начать капитанскую жизнь.

Перво-наперво – поблагодарить былых спутников: первую часть пути прошли достойно. У капитана было чему учиться. Но незаменимых нет. Сергей набрал номер – откликнулся Тольятти, город, где обучался на рулевого. И доброволец попытаться себя морем – на яхте, наострившей залатанный нос на Гибралтар. Яхта не знала: пройденный путь – цветочки, а ягодки одиссеи еще впереди...

Не зная броду, суйся в воду

09.04.02. Тунисский порт Эль-Кантави отпустил «Тасманию». После длительной стоянки ей так надоела суша, что не испугал и встречный ветер. Взыграл азарт: «Будет буря, мы поспорим!» Время поджимает. Но какое дело до людских забот подгулявшей стихии? Высоченные волны по-хулигански преграждают путь маленькой яхте – полиция! ...Двое суток экипаж боролся за честь своей дамы. Мордотыком называют подобную ситуацию – почти жаргон. На острове Сан-Пьетро, куда мордотык приткнул мореходов, «успокоили»: ветер мистраль может мистрालить недели две...

Шторм взял «тасманцев» за грудки: «К Гибралтару не пушу!»

...Капитан решил менять курс.

Из дневника Сергея: «18.04.02. Средиземное море проверяет на прочность трое с половиной суток. Рифлили грот, меняли стаксель на штормовой. Бессонные ночи, бесконечный аврал. Море заставит себя уважать любого.

Пришвартовались у о. Сан-Пьетро. На палубу вынесли матрасы, спальные мешки, одежду: все мокрое, но – солнышко! За день просушит. Полно зевак: итальянцы глазуют на нашу яхту, удивляются, как можно на такой скорлупке преодолеть грозное море?

Устали, но прогулялись по узеньким улочкам городка. Двух-трехэтажные дома под красно-коричневыми крышами гляделись подберезовиками. Букет прекрасных цветов, которые здесь повсюду, мысленно послали домой, в Уральск, самым родным...»

Сергей приболел: знобит, даже спальный мешок не спасает. Мечется море, мечется человек, противится недугу. В минуты слабости душа – домой. Зачем так часто оставляет он свою Марину и совсем еще маленькую дочку Леночку? Почему там не любит так, как сейчас, за тридцать земель? Марина уже привыкла, что у нее муж – «летучий голландец»: появится-исчезнет. Понимает и почти безропотно подчиняется его воле. Брат тоже хорош: жена не успела выйти из роддома, а он в Тунис. Два сапога...

На вахте – встреча с дельфинами. Дети моря старались показать, какие они плавучие и прыгучие.

– Детсад на прогулке, – прокомментировал Трофимыч.

Штрихи к портрету: Борис Гуляев, Трофимыч – тот самый доброволец, который откликнулся на приглашение принять участие в пробеге вокруг Европы.

«Тасманцы» поняли: этот человек в непромоканце не боится ни моря, ни горя. Чапаевские усы требуют к себе уважения. Уважили, возвеличили до Трофимыча: не за усы – за возраст его фуражки, который трудно определить. Каким будет в деле? Даже если почесать макушку или затылок, ответа не вычесать. Пробыл на борту «Тасмании» недолго, из Франции улетел домой.

У берегов Франции «Тасманию» никто не ждал, а она, заставляя левым галсом работать шторм на себя, объявилась: здрасьте-пожалуста! Команда знала два международных языка – мимики и жестов. Туземцы понимают с полувзмаха, с полуслова. Любое путешествие – толика авантюры.

Родина графа Монте-Кристо и законодательница мод встретила российских синдбадов приветливо: с «тасманцев» не взяли плату за стоянку и на первых порах не спросили визы. Дождаться не стали, ушли вдоль берегов на поиски канала Дю Миди, самого короткого пути в Бискайский залив. Длинный – через Рону и Сену – команда отвергла.

Канал Дю Миди, о котором «тасманцы» имели смутное представление, нашелся недалеко от реки Гаронны. Технический прогресс не знает границ! Канал поднимается на возвышенность бетонными ступеньками шлюзов. Выше к небу – ближе к Богу. «Тасмания» подходила под все параметры допуска: полтора метра осадки и рост почти тютелька в тютельку, если снять мачту. Мачту сняли. Как оказалось, еще и для того, чтобы посыпать голову пеплом: самый короткий путь оказался не самым скорым. «Тасманцы» почувствовали то же, что узник замка Ив.

Французские майны и виры

Шлюзы открывались в 09.00, закрывались в 18.00. На преодоление каждого уходило 15–20 минут. Можно прикинуть, когда «Тасмания» сойдет с последнего, 120-го шлюза. Мели. Канал зарос, как Карабас-Барабас, запутался в бороде водорослей; его могли пройти воробьи, не замочив интима.

Гоп-стоп! – остановила с налета «Тасманию» первая мель. Команда – по всем законам инерции... Мелью оказался, как выяснилось, корпус старой лодки. Уж не кладбище ли затонувших кораблей? Попытки сдвинуться с места, рык двигателя, раскачка яхты, парижская богоматерь – бесполезно. Мертвая лодка цепко держала живую. На берегу – зрители канальной драмы.

Оба Синельника взбираются по илистому берегу, им готовы помочь десятки рук.

– О! Русский камрад!

Еще через минуту дюмидийские бурлаки пытаются тянуть бечевой русскую лодку. Трофимыч предлагает дедовский метод: веревку – за дерево, лебедку – в действие. Ни тпру, ни ну. Берег не успокаивается: кто-то вызывает службу спасения. Спасателем «Тасмании» оказался встречный ветер: дернул за вожжевые – и вся недолга! Ура! Радовались и пенсионеры на берегу, и моряки. Огромное мерси жителям этого берега! Нет, не Вавилонская башня разъединила людей, вдруг заговоривших на разных языках, что-то другое...

У отдышавшихся от первого аврала «тасманцев» вновь открылись глаза на красоты Франции. Плыть бы и плыть в этом поднебесье на высоте 500 м над уровнем моря, глядеть на старинные замки маркизов де Карабасов, на зеленые

поля, по которым, «покачивая перьями на шляпах», гарцевали некогда мушкетеры. И верно там, в долине, рыдала Констанция...

«Тасмания» тоже не просыхала от слез: замучили мели. Но четверка рыцарей проявила во ее спасение силу, сноровку, техническую сметку в способах стаскивания. Бывало, двое добровольцев, повиснув на фалах, «выезжают» за борт, третий, упитанный, встает на гика. А чтобы не «гикнулся» – вправо-влево, страхуют веревками, набивают их, заводят за носовую и кормовую утки... Кстати, барон Мюнхгаузен, тащивший себя из болота за волосы, тоже проживал во Франции. Почти по его волосатому принципу продирались...

Рационализация от человеческой лени. Это уж точно. Как и полезные советы. Однажды яхту занесло на такую мель – Мюнхгаузен не поможет. Нашлись в хозяйстве две камеры от «КамАЗа». Накачали, пустили в ход веревки, пару лебедок – и хоп их, пузатеньких, под дно! Яхта как миленькая поднялась на 15 см, сошла с мели. Увы, ненадолго...

Можно сказать, «тасманцы» прошли не канал Дю Миди, а курсы повышения квалификации яхтсмена. Французы дивились на выкрутасы пришельцев с севера, а лучше бы канал почистили!

Есть такая партия

Канал Дю Миди почти без чувств, наконец, ухнул в реку Гаронну. В городе Бордо «Тасмания» взяла на борт «языка». Вадим – по делам, а возвращаться домой пожелал морем. Яхтсмен он никакой, но не боги горшки...

Ночь, яхта опять летит по своевольной незнакомой реке: в груди – все еще страх мели. Хочется избавиться. Скорость семь-восемь узлов, чего же боле? Жиронда вынесла яхту на морские просторы. Старый Посейдон выслал понаправившимся ему спутникам умеренный ветер, дабы доставить яхту транзитом от Бискайского залива до пролива Ла-Манш. Пара суток задворками Атлантического океана...

Почти в Атлантике, город Рунна. Команда помылась в мутном холодрыжистом канале. Не мытье, равномерное распределение грязи по телу.

Франция накрыла свежепомытых. Форма, а особо пистолеты пограничников произвели незабываемое впечатление. Бравые таможенники досмотрели судно. Ничего предосудительного. Однако заинтересовались документами: что это за партия «ООО»? Английский язык Вадима сгодился для выяснения отношений.

Французы поняли: молодежь, под девизом «В новый век – без наркотиков!» И без виз... Ну, раз уж почти в нейтральных водах, пусть следует дальше. Чем дальше, тем лучше.

О, эта непонятная Франция, законодательница беззаконной красоты мод, чиновница, застегнутая на все конституционные пуговицы, пригревшая на своей груди многомиллионную эмиграцию! Да видела она эту яхточку с Эйфелевой башни! И на том мерси.

День Победы

Ветер встречный, большая волна не дает идти по курсу, бьет яхту. Мало-помалу «Тасмания» уговаривает несговорчивый пролив. Закапризничал прибор скорости ветронаправления. Принялись приводить в чувство. Но Сергей убежден: прибор просто устал до полусмерти. Пусть отлежится.

Утром Ла-Манш услышал песню «День Победы». Ребята, праздник! Что у них там, в загашнике, для праздничного стола? Бутылка пива, остатки ржаного хлеба и соленая рыбина из России. Вот это рыба! Вот это хлеб! Здесь, за границей, все продукты – от киборга: ни цвета, ни вкуса, ни запаха.

Ну, за Родину, без войн и нищеты.

Из дневника Сергея: «Ночью боролись со встречным течением. Паруса на строены, а ползем. Видимость плохая, звезд не видно – заткнуты мглой. Зябко. Читаю лоцию: “В проливе Ла-Манш солнечных дней за месяц пять-шесть”. Это весной, летом, а зимой еще хуже. Вчера прошли мимо одного из Нормандских островов – не увидели. Мерз на вахте, сжался клубочком. Опять все сырое: и куртка, и спальный мешок...»

Штрихи к портрету: Юра Самсонов прибыл на яхту вместе с Трофимычем. Молод и хорош. Работает с песнями, работа для него не работа, а вроде той же песни. У «Тасмани» отключились ходовые огни, но с той поры, как на нее ступил Юра, работают. Крупного телосложения, умещается в узком моторном отсеке; мотор видит насквозь и даже глубже. Не было такой поломки на «Тасмани», с которой бы не справился. Как дельфин, ныряет через рундук, чтобы что починить. Не ворчун, не зануда.

Нет, не был, не участвовал...

Море шутит

Летают альбатросы – ну и крылышки! Их освещают огни «Тасмани». Мачтовые, кормовые, ходовые – все они сейчас заявляют о существовании яхты... Зеленоглазое страшилище из тумана. Прет на яхту. Верно, рулевой ходячей громадины задремал. Луч фонаря полоснул по встречному, как меч-кладенец, – судно в сторону. Точно: спал рулевой. Но Сергей этой ночью уснет едва ли...

Красота! Скорость 8 узлов. Курс бейдевинд. Помогает сильное проливное течение.

Полуостров Котантен намекнул путникам на завтрак, утанцевал за шторы солнечных лучей, длинных и тонких, как спагетти. Море взволновалось от соблазнительного аромата гречки. Когда команда подняла ложки, грянул взрыв. Ложек из рук не выпустили. Еще взрыв... Неужели не доедим?

Нет сомнений, «Тасмания» вписалась в зону испытаний: на горизонте ни одного движущегося объекта. Капитан приказал курс не менять, кашу доесть. В таких ситуациях – не трепыхаться: примут за мишень...

...Скоро Булонь. Экипаж «Тасмани» пополнит провиант, топливо. Узнает, как выйти в Северное море через пролив...

Ветер скис, полный штиль. Над морем туман. Таких туманов команда «Тасмани» никогда не видела. Голова Ла-Манша клубилась густой сединой: старость не радость. Течение выдавало недюжинную силу: гудело от избытка энергии. А может, еще от чего? Глянули на карту: «Где мы?» На фарватере. Еще бы тут не гудело... Надо уносить ноги. В любой момент из тумана – словный лайнер!

Двигатель не заводится. Сергей держит ракету. Мощные гудки рвут душу. Ну как их сюда занесло? Юра пытается запустить двигатель, сажает аккумулятор.

Огромные корпуса кораблей проходят в ста метрах от яхты. Холодок, чубчики ежиком. Но если что, приказ – в воду не сигать: мясорубка винтов. Вся надежда – на ветер! Авовь выпорхнет...

Выпорхнул. Слабый, но подхватил, вынес на спасительную мель – и слег. «Тасмания» родилась в парусе! Простояв ночь на якоре с включенными огнями, серьезно задумалась о мерах безопасности. Вывела совет потомкам: если не желаете оказаться в положении ежика в тумане, если хотите, чтобы ваше судно не пинали большие корабли, установите на мачте радиотрагатель.

Утром подул другой, взрослый ветер. Разбудил парус «Тасмании», отвел в Булонь. Замечательно: яхту успели экипировать к предстоящему марш-броску. Булонским таможенникам она тоже не глянулась. В Северное море обиженная на себя и на Булонь «Тасмания» вышла ночью с попутным течением. Так посоветовали бывалые моряки. 8-балльный, попутный погнал ее домой, как сердитый папаша. Море – за двое суток! Гольфстрим и шторм помогли: скорость до 10 узлов. Передых в Кильском канале.

Дорога домой

Разве забыть «Тасмании» этот бег в Северном море? Полузарифленный грот, штормовой стаксель увеличивают скорость до предела. В запределе – через разверзшуюся пропасть кидают с гребня на гребень! Высоченные, прозрачно-зеленые, как с картины Айвазовского, волны. Завывает ветер. Море с пеной у рта: «что хочу, то и ворочу!» ...Хуже нет, присутствовать при чужой ссоре, – достанется от обеих...

В Киле местные яхтсмены подарили «Тасмании» канистру топлива, «тасманцам» – пиво. Мореход мореходу – друг, товарищ и брат. В Финском заливе прятались от штормового встречного: у эстонского берега уснули под мерную качку. Проснулись: сорвало с якоря! Тащит на камни: забыли, какие сны видели, возвращая беглянку. Нельзя морякам расслабляться! Даже вблизи своих берегов.

26.05.02. Дата! Во всяком случае, для экипажа «Тасмании». Утро. Петербург. Нева. Здравствуй, дорогая земля! Встречали ребята из «Молодежного единства», журналисты НТВ. Но телефоны героев разрядились – герои потерялись в толпе: не до торжеств. Обнимать Европу – дело тяжелое. Устали. К тому же самый лучший город на свете уже глядит из-под руки – Уральск.

Братья Синельники пишут: Сергей – «дневниково», Александр философствует, но его кисть в этой науке убедительней: ввинченные в небо дюны, путники, рифленный след. Точно такой же оставила в Нарын-песках компания уральцев: два Александра – Синельник, Радзивиллов, Андрей Голубев, Сергей Клименко. Дошли до Тайпака. Киноролик «Параллель 49» запечатлел... Но на пах степи, но костер, но искры, стартующие к звездам, не в ролике – в душе путешественников.

Двадцать лет спустя моя «Тасмания» выплыла из воздуха: Александр прислал электронкой и ее, и свое путешествие по казахским степям. «Путешествие» предлагаю под моей редакцией.

Александр СИНЕЛЬНИК

ТУДА, ГДЕ УКРАЛИ МОРЕ

Я чувствую время,
 Как чувствуют сердцем дыхание ноты.
 Как чувствует зренья законы пространства
 Как делится голос на выдох и вдох.
 Я знаю, года – это дети столетий, я знаю...
 Желаньями, мыслями всеми
 Стараюсь порвать эти сети,
 Найти перекресток дорог.

Андрей Сапунов

– Ты так и собираешься корпеть над своими холстами? Весна, надо идти к Аралу, потом там будет сущий ад! Готов? – поинтересовался брат.

– Я готов с осени...

И вот два брата-близнеца – одинакового роста, с почти одинаковым мышлением и все же во многом разные – бредут с тележками, рюкзаками, к горизонту. Зачем?

Человек ненасытный и вероломный попрал законы природы, нарушил гармонию вселенной... Признаки разрушения. Моря стали пересыхать и прятаться в недрах планеты. Вода испаряется, обнажив безобразный оскал новых пустынь. «Мы не наследуем землю у предков, но одалживаем у потомков» – так пели североамериканские индейцы племени суквомиши. Но уже не до песни древних: мрачная тень Тенгиза... Саракамыз – погребен: развалины, население рассеяно.

Апрельские ручейки сквозь солончак прокладывают себе дорогу к Каспийскому морю. Нам переходить их вброд, с тележками провианта на месяц.

Мрачными красками вряд ли написать радостную картину...

Нефтяные месторождения Сазтобе – это не та цветовая гамма, которой украшают воспоминания! Ускоряем шаг, минуя неестественные формы человеческой деятельности.

За бугром Уршаткан очередная ночевка. Степь к юго-востоку от Каспия понемногу приобретает естественный, суровый и такой восхитительный вид! Весна преобразует: из скудной земли – дикие цветы, холмы – ярким ковром! И весь этот край наполняется воем, делая нас свидетелями таинств природы – брачных игр волков. Очумелые парочки пробегают совсем рядом, даже не замечая нас. И исчезают.

Со степями мы с братом повязаны: вдохнули при рождении насыщенный запах ковыля, полыни. Полынь – эликсиром. Люблю эти края.

Ветра, ветра... Зимой они только усиливают стужу.

В далеком январе 1920-го здесь отступало Уральское казачье войско с беженцами – до двенадцати тысяч. Шествие по безлюдной пустыне вдоль восточного берега Каспийского моря, 1200 километров, при минус тридцати... «Марш смерти». До форта Александровский дотянули лишь две тысячи. И сегодня наши следы наверняка совпадают с их, след в след... Пусть земля будет им пухом, а домом – Небо!

* * *

– Почему пешком? – с интересом вопрошает каракалпачка из придорожной харчевни на подъезде к городку Бейнеу.

Торопливо утоляем жажду... Полсуток без воды: понадеялись на весенние разливы. Они оказались соленые и мутные. Как ответить? Отвечаем:

– Марафон! Спорт! Алға, Қазақстан!

Каракалпачка кивает в знак понимания. И вот – бесбармак! Женщина вкратце о себе: работает на хозяина-адайца... Живется непросто, но благодарна за предоставленную работу.

– Откуда пришли?

– Из Уральска.

– Устаете? Не страшно? ... Волки, змеи...

– С волками встречались. Они нас не трогают, а мы их.

Подкрепляемся едой и историями о стычках местных с волками. Запомнился рассказ о девушке, отправившейся в город: от нее остались только красные сапоги на автобусной остановке. Жуткие истории не новость. Стоит поездить по аулам, и соберется багаж преданий.

В оседлых казахах – дух кочевников. Жители отдаленных мест – в гармонии с Природой.

В Бейнеу – чуть больше суток, залечили мозоли, подкупили необходимое. По-знакомились с искателем приключений – французом из Нормандии, он держал путь в Хиву. Узнав, что мы намерены дойти до пересыхающего, таинственного Аральского моря, попросился идти с нами. Но после телефонных звонков на родину – отказался.

Мы оставляем Бейнеу... Одна из двух тележек – развалилась. Перегруз на вторую. К вечеру были у подножия плато Устюрт. Восхождение. Мы – в другом мире, ином пространстве. Созерцаем, что преодолели, с высоты птичьего полета. Свежие силы и радость! Ночуем на плато Устюрт. За палаткой – ледяной ветер. А мне, брату и бутылочке арака – счастье!

– Сәлеметсіз бе! – приветствуем старца.

Отвечает кивком.

– Сіздің ісіңіз қалай? – интересуемся.

– Жақсы, – тихо ответил дед. – Идите с миром.

Продолжаем путь на восток.

...Климат, условия жизни – в Устюрте суровые. Без излишеств, но, возможно, одни из лучших во всем мире.

В этих краях к седине относятся с большим уважением, и, значит, все здесь в порядке.

К поселку Туруш несколько полевых дорожек. Колею то и дело переползают внушительных размеров щитомордники – змеи с причудливым узором да флегматичные черепахи с черепашатами: хоть какое-то разнообразие... Свежая травка, кустарник джужгун – это все! Фауна: джейраны, сайгаки, лисы, волки, зайцы, грызуны не стремятся попадаться на глаза.

Иногда возникают древние памятники, могильники – куполообразные каменные сооружения и плиты.

Случайных прохожих нет и быть не может...

Пыль и песок

Поменяв запланированный маршрут, мы решили пройти сто километров сквозь песчаные урочища Шанай и Сам: ничего особенного, разве что испытали мучения с тележкой, не желавшей катиться по рыхлым пескам. Но это бытовка. Открытием стали встреченные Абай и Тураимбет. Не зря выбрали другую дорогу: казахи гостеприимны, щедры. С добротой-широтой простора степей. «Степи никогда не рождали рабов».

В зимовнике – отец, сын, старенькая бабушка. Напоили нас шубатом, напитком из верблюжьего молока. Для измотанного организма – настоящее лекарство. Полежав под чинарой (плюс 35 градусов – не шутка!), засобирались. На прощание обмен: они нам курт, мы им карамель. Оставляли ночевать, но звала дорога. Бабушка обеспокоена, что ходим ночами по пустыне, когда темные духи обретают силу. Дала амулеты.

– Если кто увяжется за вами, не оглядывайтесь!

Материнская забота...

– Спасибо, добрые люди!

Мерно вышагивали по просторам Устюрта, а в моей памяти – детство... Множество сказок и былин. Их нам с братом рассказывали бабушка и дядя, по прозвищу Алибабаевич, – жили в тесном соседстве с казахами. Бабушка помнила голод двадцатых, войну. Тяжелые испытания, а жили дружно. Жаль, что со стариками уходит богатейший эпос. Сегодня молодежь, стремящаяся к навязанным блескам, забывает о своем глубинном...

Как-то вчетвером: мы, Алибабаевич и наш друг Андрей Сармин решили пересечь Нарын-пески – от Новой Казанки до Северного Каспия. Это было первое наше пешее путешествие по пустыне. Алибабаевич и Андрей сопровождали нас на старенькой «Ниве». Андрей, биолог и географ, занимался видеосъемками. В итоге – фильм «Песни Рын-песков». Те двести километров в памяти: осенняя пустыня, барханы, поросшие кустарником, заброшенные воинские части, зимовники и аулы... В глиняных развалинах Андрей увидел женщину в белом: металась от одного дома к другому, стала преследовать Андрея. Для нас была невидима. Отделаться от навязчивой красавицы удалось на приличном расстоянии от развалин. Происходящее можно было бы списать на галлюцинации, но когда я и брат миновали последний заброшенный дом, увидели три окна. В проеме каждого – по свежееубитому соколу без единой раны. На несколько десятков километров – ни души: глухомань. Загадка. Позже Андрей отмахивался и смеялся...

По прошествии времени отчет, написанный братом, получил огласку: стали приходиться письма бывших жителей тех заброшенных мест, благодарили: поднимаем из праха забвения этот забытый живописный край. Подтверждали существование «женщины в белом».

Так, наверное, и бродит по сей день неприкаянный дух по Нарын-пескам. Впору верить...

Однажды нас спросили: «Какое оружие вы берете с собой? И владеете ли вы боевым искусством?» Вопрос не без ответа: оружие – слово. ...Как-то в Сахаре нам повстречался велосипедист – ехал через всю Африку на юг. У него отсутствовали пальцы на руках, не считая большого и указательного на правой руке.

Рулил культями. Немногословен. Снял солнцезащитные очки – на нас глянули Небеса! Думал ли он о стычках в пути, какой-то защите? Не знаю... Но, похоже, некоторым людям не нужны слова...

Без воды

Поселок Матай, вечер 30 апреля. Пограничники не против, если мы пойдем вдоль узбекской границы до Аральского моря. Благо, поставили в известность: между промежуточными пунктами 60–65 километров. Две пограничные точки, где имеется вода. Утяжелив тележку тридцатью литрами колодезной воды, рассчитываем пройти до следующей заставы. На прощанье нас обляяли из железных клеток матерые овчарки...

Ясно, земли от Матая до Арала безводны: залежи артезианской воды слишком глубоки. Населения нет.

– Тот, кто отправится пешком до высохшего моря, сгинет, – вещает странный всадник в замысловатом старинном наряде.

– У нас есть вода и припасы, старче!

Но всадник не хочет нас слушать:

– Там смерть! Вернитесь, идите другой дорогой.

Наскоро собираем палатку:

– Нет другого выбора, агасы!

– Абую! Абую! Абую! – простонал всадник и ускакал.

* * *

Саксауловый лес, сказочный оазис. Идем по пустынному ландшафту – непередаваемое чувство! Воображение начинает рисовать небывалые горизонты! ...Наконец саксаульный валежник. Дымок костра – как успокоительное. Сойки, стрижи и воробьи щебечут, но как-то иначе.

Тень в часы солнцепека, плюс сорок градусов: расход воды увеличился. Вялость. Странная истома. Продвижение к загадочному Аралу...

Новое утро ознаменовалось отсутствием последней десятилитровой фляги.

Где-то забыли? Невозможно... Стащили? Нелегалы, перебежчики... Не зря столько овчарок на заставах. Вспомнили, как обляяли и нас... Осталось два литра воды и двадцать километров до погранзаставы, где воду дают.

...Перед тем как мы отправились в путь, один из моих друзей, большой знаток природы и обычаев казахской степи Андрей Голубев, дал несколько стоящих советов: могут быть невероятные случаи – в этих землях исчезают моря, колодцы, села, люди. Будьте начеку! «Слушайте бывалых, а не старых». Тогда я не придала сказанному значения... Устюрт вскружил головы: мы забыли об осторожности...

Шли молча. Через двадцать километров пути не обнаружили никакой погранзаставы: ни вышки, ни столбов. Кустарник, бугры, холмы. Развилка дорог: одна – на юго-восток, вторая на северо-восток, по какой идти? На чаше весов – жизнь. Допили последнюю водицу... Надо дожидаться темноты, огни будут ориентиром. Брат расчехлил спутниковый телефон, дозвонился в штаб, в Москву. Не утешили: на снимках из космоса – никаких застав... В памяти я вымерял шагами путь от Матая... Вспомнил злополучного всадника! Странный человек... И откуда?

Солнце – к горизонту, темнеет. Во все глаза высматриваем вышку. Обнаружили, едва заметную, в 18–20 километрах к востоку. По подсчетам, должна быть значительно ближе. Устюрт шутовал...

...Спрятали в кустах тележку со снаряжением. Пошли налегке. Когда на вышке вспыхнули ориентировочные огни, прибавили шаг. Жажда. Случаев пустынного обезвоживания – множество! Чаще всего находят автомобилистов, отправляющихся из города в поселок без запасов воды: в машине, или около или в нескольких километрах. Погибают от паники и парализующего страха. Спокойствие и вера – спасательный круг.

В темноте проходим мимо мавзолеев, захоронений, спускаемся в ложбинки и овраги, восходим на холмы – дорожное русло. Не сводим глаз со светящейся вышки: там вода!

* * *

Сгорбленная, неказистая фигура в форме. Нас разделяет забор из колючей проволоки.

– Стойте и не шагу! Буду стрелять!

– Нам нужна вода, и больше ничего! Мы путешественники!

– Нас предупредили о вашем приходе, – повеселел пограничник.

...Появилась пятилитровая бутылка с холодной водой. Пили как верблюды, наполняя горбы. Появилась еще пятилитровка – блаженство! Ты жаждал и получил, и не можешь нарадоваться благополучному исходу...

Новый день: той же дорожкой к своей же тележке. ...Небосвод затянуло тучами. Пошел дождь. Дождь лил без остановки целый день, превращая глинистую поверхность в болото. Ползли.

К ночи дождь стих. Установили палатку. Закрепить оттяжки было не за что, и ветер трепал тент. Сон был на удивление крепким. Новый день маршировал на восток. К вечеру – третья пограничная застава. Прошли без остановки, маршем: останавливаться незачем, воды – достаточно. Часовой не окликнул. Никому до нас не было дела, а нам до них.

Эпилог

4 мая. Восточный чинк – береговая линия пересохшего моря. Путь от Каспия до Арала в 600 километров пройден. Двадцать дней, таких значимых для нас двоих... Шесть лет назад нам довелось побывать на Арале и даже спуститься на дно бывшего моря. Только тогда это был южный чинк, со стороны Узбекистана. Мы ехали на мотовездеходах. Сегодня некоторые географы спешат отметить на картах новую пустыню – Аралкум, тем самым отрицая возможность возвращения моря. Возможно, они правы, но серебрится полоска воды у линии горизонта, напоминает: не все еще потеряно. Будут ли когда плескаться волны у этих берегов? Будут ли, как прежде, зажигаться маяки? ...Безмолвие.

